

Литературный

СУНДУЧОК

№ 12 • 2020

75-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Моя Родина — мой родной дом

У каждого человека своя Родина. Для меня Родина — это мой родной дом, наша первая маленькая квартирка, где я родился и начал себя помнить. В ней я прожил свои первые 11 лет...

Мой первый родной дом был небольшим, но как много воспоминаний связано с ним! В этом доме я провёл свое раннее детство. Потому что он был небольшим, он был очень уютным, но бегать в нём было невозможно. В нём я начал ходить, говорить, писать, в нём я рос, из него пошёл в школу. Во дворе дома я бегал и учился кататься на велосипеде.

В нашем маленьком доме у меня были свои привычки и обычаи. Утром я просыпался в своём маленьком уголке с кроватью (да-да, у меня даже не было своей комнаты, но я всё равно был рад, что мне выделили немного личного пространства). Если были будние дни, то сразу же после пробуждения я шёл чистить зубы и завтракать. В раннем детстве я тяжело просыпался. Чтобы дойти до кухни, у меня уходило до 15 минут, хотя квартира и была совсем маленькая. Из детства, проведённого в этом моём первом доме, у меня сохранилось множество фотографий. Вот я ем лапшу на нашей маленькой кухне... Вот я сижу рядом с домом на поляне в одуванчиках — на этом месте теперь стоит новая школа... А вот мчусь по двору на велосипеде — очень люблю кататься на нём, всегда был хорошим велосипедистом, даже в раннем детстве, ничуть не боялся и даже заезжал за рампу!.. Во дворе нашего дома бил фонтан,

он работал даже ночью, и если открыть окна, то можно было спать под его журчание.

Недалеко от нашего дома шумел лес, и так приятно было гулять в пятницу вечером среди домов и в лесу!.. После прогулки мы всей семьёй ходили по магазинам и ели беляши. Рядом с нашим домом находились кондитерская и булочная, в которой мы часто покупали пирожные и круассаны...

Сейчас мы живём далеко от этого места, я скусаю по тем сладостям, но мы иногда заезжаем на мою «прежнюю родину»...

Теперь у меня новый дом, на другом берегу Томи, который тоже станет мне родным. У меня в жизни будет ещё много домов, будет и свой собственный, где я буду жить со своей собственной семьёй. Мой родной дом всегда будет моей малой родиной. А моя большая Родина — это моя страна, в которой я живу, состоящая из множества домов подобных моему. Важно, чтобы у каждого человека был родной дом. Это самое ценное, что есть в жизни. Даже во время долгой и страшной Великой Отечественной войны, во время сражений, солдаты думали о своей малой родине — своём родном доме, где остались их близкие. Всю войну они мечтали вернуться к своей семье и надеялись, что дом их цел, а близкие живы.

Арсений РЕМЕШНИК, 12 лет, школа № 35,
ДО «Рудничок» Дома детского творчества
Рудничного района г. Кемерово

Письмо солдата

Родина, далёкая и близкая,
Родина, как грусть свою мне высказать,
Высказать в письме неровным почерком
Так, чтоб ты смогла меня понять.

Ты лежишь, земля моя желанная,
Там, вдали, за синими туманами,
Там, вдали, где дом родной в черёмухе,
Дом, в котором ждёт солдата мать.

Мне вчера берёз приснились локоны.
Вся в цвету черёмуха под окнами,
Тёплый снег на белоснежной скатерти,
Только сон растаял без следа.

Родина, сейчас я понял многое,
Как нужна мне ты и как мне дороги
Шум твоих дождей и руки матери,
Понял я, твой сын и твой солдат.

Небо здесь такое же высокое,
Звёзды здесь такие же далёкие.
Только им тоски по дому отчужду,
По земле родимой не унять.

Родина, далёкая и близкая,
Родина, как грусть свою мне высказать,
Высказать в письме неровным почерком
Так, чтоб ты смогла меня понять.

Юрий МИХАЙЛОВ,
кузбасский поэт и журналист,
член Союза писателей России

Мир без войны. Елизавета МИНИНА, 11 лет, школа № 85
Педагог Ирина Игошева

За околицей. Людмила КРЫЛОВА, 14 лет, школа № 85
Педагог Ирина Игошева

Военные судьбы

Он тоже удостоился Победы...

*Поклон героям, матерям и вдовам,
Тыловикам и всем, кто близок к ней – войне!
Прошу вас: помяните тёплым словом
Своих военнопленных сыновей.
Прошли они войну другой ценою.
Краюшечками (не ломтями) режут хлеб.
И каждый выживший военнопленный воин –
Страны своей, чей мирный дух спокоен,
Благословлённый небом оберег...*

Полина ВОСПЕТАЯ

Я хочу рассказать о непростой военной судьбе моего прадедушки по маминой линии **Петра Петровича Алабина**, полной превратностей, по-своему трагической. Историю его поведала мне прабабушка Мария Степановна Алабина (до замужества – Барыева). В годы войны она трудилась в тылу, за что имеет звание «Ветеран труда».

Мой прадедушка Пётр Алабин родился в 1922 году в селе Черепаново Новосибирской области в Петров день. Ещё до его рождения, в 1921 году, родители его приехали в Сибирь из Горьковской области, Починковского района, села Наруксово. Его отец Пётр Данилович умер (в возрасте 46 лет) в марте 1922 года, а в июле родился Пётр Петрович.

Мой прадед был одиннадцатым ребёнком в семье, из которых в живых на момент его рождения осталось трое, и вот он стал четвёртым. Нельзя сказать, что родные его многодетной семьи были рады его рождению, даже соседи жалели уже немолодую его мать, потерявшую к тому же так рано своего мужа, поэтому рос он сам по себе, но «как на дрожжах» – здоровенький, крепкий, забавный и с чувством юмора. За это очень все его любили, особенно старший брат Семён и двое его сестер (позднее брат Семён погибнет на фронте).

В 1927 году семья переехала в деревню Воскресенка Промышленновского района Кемеровской области. Здесь Пётр окончил начальную школу и в возрасте 12 лет начал работать на пихтовом заводе: возил на лошади пихтовую лапку в тайге. Он очень боялся медведей и, спасая себя, громко пел в лесу, чтобы далеко было слышно. Он потом и в армии был запевалой, хорошо играл на балалайке и двухрядной гармошке. В деревне его даже прозвали Утёсовым...

В 1939 году семья прадеда переехала в село колхоза «Труд» Промышленновского района. Здесь Пётр окончил курсы трактористов и до призыва в армию работал трактористом на колёсном тракторе.

Когда началась война, повсюду открывали призывные пункты, куда приезжали представители от райвоенкомата и отбирали мужчин на фронт.

Пётр Алабин был призван 7 октября 1941 года в 19-летнем возрасте из Новосибирской области Ленинск-Кузнецким РВК. Он пришёл в контору призывного пункта и, ожидая своей очереди, стоя среди мужчин и парней, увидел, как перед ним на ниточке спускается паук. И вот, глядя на него, он мысленно загадал: «Если мне суждено погибнуть и лежать в чужой земле, то спустись, а если доведётся вернуться домой, то поднимись». И паук, будто почувствовав его мысли, резко остановился и быстро пополз вверх. Пётр Петрович не был суеверным человеком, но исход такого ужасного события, как война, предвидеть не мог никто... Потом он рассказывал моей прабабушке Марии Степановне: «Я этой надеждой жил. Столько раз был на волоске от смерти, но продолжал жить, а жить так хотелось!»

Сначала Петра Алабина отправили в Иркутск на обучение военному делу, которое он проходил в течение нескольких месяцев. В армии он служил в звании младшего сержанта, был автоматчиком. Попал в лыжный батальон № 232. Прабабушка рассказывала, что их батальон до линии фронта сна-

Пётр Петрович АЛАБИН

чала везли поездом, затем они долго шли на лыжах, были и привалы, на два часа за сутки – в лесу или за каким-нибудь забором. Дневальный ходил по рядам и толкал ребят, чтоб не замёрзли. И никто, на удивление, не болел...

Но долго повоевать моему прадеду не пришлось. На свой пятый боевой день Пётр Алабин попал в плен под городом Велиж на Калининском фронте. Вот как это случилось.

В 12 часов была дана команда наступать на деревню, занятую фашистами, а деревня была за перевалами. Бойцы просили командира дождаться темноты, но командир на это согласия не дал. Фашисты подпустили отряд, в котором был и Пётр Алабин, ближе к деревне и на косогоре всех перебили. Мой прадед не хотел сдаваться живым в плен, но когда он от ранения очнулся и схватил автомат, оружие не стреляло – дуло автомата забило мокрым снегом, а он упал без сознания. Когда же очнулся, фашисты уже поднимали тех, кто мог подняться, а тех, кто не мог этого сделать, добивали.

В архивном деле на сайте «Память народа» мы с папой и мамой нашли документы, подтверждающие рассказ прабабушки о том, что именно таким образом мой прадед попал в плен. Случилось это в марте 1942 года.

Воспоминания прадедушки о пребывании в плену были скудными, ему было тяжело вспоминать это время и рассказывать о нём.

Сначала всех военнопленных фашисты загнали в сарай и не кормили шесть дней. На второй и особенно на третий и четвёртый дни уже сильно хотелось есть. На пятый день силы исчезали, а есть уже не хотелось. На седьмой день принесли какую-то баланду и хлеба по сто граммов пополам с опилками...

Пётр Алабин был отправлен в концлагерь сначала в «Дулаг-142» под Брянском, оттуда его распределили в Освенцим (Польша).

Концлагерь располагался на территории 5 километров в ширину и 15 километров в длину. Вся площадь была очищена от травы и засыпана песком. Территория лагеря была огорожена колючей проволокой под электрическим напряжением в пять рядов через каждые два метра. Здесь уже по-настоящему морили голодом всех взятых в плен советских солдат разных национальностей. По четыреста человек умирало за ночь. Раненых никто не лечил, раны пленные самостоятельно лечили своей мочой. В лагере пленных заедала вошь, будто специально. А может быть, и действительно специально фашисты заражали лагерь насекомыми. Прадед вспоминал: «Прямо ползают везде... Убивать не было мочи...

А если так смахнёшь, так они снова лезут, да крупные... А фашисты пропагандировали, дескать, вот какие русские вшивые...». Нужно сказать, по замечанию моего прадеда, что в советской армии вшей никогда не было, даже разговоров о них никаких не слышали... Пётр Петрович вспоминал: «Никогда и никому не поверил бы, если бы не испытал на себе эти муки: голова была, как ладонь, без волос. Волосы выпадали, а борода росла...».

...На Светлое Воскресенье Христово, Пасху, фашисты объявили, что дадут добавочную порцию баланды. Ребята выстроились в очередь, но Пётр Петрович не поверил фашистам и не пошёл. Потом оказалось, что во время раздачи «добавочной порции» убивали насмерть по голове черпаком, но не всех подряд, а через одного. А потом через двух. И погибло в тот день много военнопленных...

Немцы отправляли Петра Петровича на работы к польским крестьянам-помещикам, жившим неподалёку от лагеря. Эти крестьянские хозяйства поставляли продукты питания немцам. Конвоиры отбирали по восемь человек. Как-то отобрали моего прадеда и ещё нескольких его товарищей. Несчастные подумали: «Ну всё, наша жизнь кончилась, наверное, на расстрел». И стали прощаться с ребятами, кто рядом. Но конвой привёл их в крестьянское хозяйство, находящееся за высоким забором. Запустил всех во двор, а сам остался за воротами, предупредив, что бесполезно бежать и пытаться выбраться из-за такого высокого забора.

Прадед мой за время пребывания в лагере успел как-то освоить немецкий язык. Вышли на крыльцо двое пожилых людей – муж и жена. Пётр Петрович им сказал на немецком языке: «Давайте мы будем вам дрова пилить». А крестьяне как заплачут и отвечают: «Мы дрова-то и сами напилим. Как вы, такие худенькие, пилить будете?». А у пленных и в самом деле даже говорить нет сил, не то что дрова пилить.

«У нас, – говорят, – восемь сыновей на фронте, так, может, их кто-нибудь тоже покормит». Крестьяне накормили прадедушку и других пленных и дали ботинки, штаны и рубашки своих сыновей.

Может быть, только за счёт того доброго крестьянина мой прадедушка жив и остался.

В Освенциме особенно сильно издевались над евреями: выводили трёх человек и двоих заставляли кидать третьего на колючую проволоку, пока тот не умрёт. Потом заменяют – выводят ещё одного, а из тех двоих выбирали следующего и опять заставляли кидать. Не поддаётся описанию бесчеловечность фашистов! Давали в лагере сколько-то и сигарет, но Пётр Петрович курить сразу бросил, а сигареты отдавал ребятам. За сигареты никогда ничего не брал, хотя некоторые из военнопленных брали последнюю краюшку хлеба...

За всё время пребывания в плену три месяца прадед провёл непосредственно в концлагерях, а остальное время – работал у помещика.

Вспоминал прадед и такой случай. Из измождённых военнопленных отобрали партию, порослее и крепче, всего 40 человек, вывели к машинам, но и эту команду подсаживать пришлось: сами не могли залезть из-за слабости...

По пути из Освенцима к помещику в крестьянское хозяйство машины остановились на ремонт. Пленные вывалились из кузовов на траву и начали её есть. Пётр Петрович утверждал, что если бы в лагере была трава, то такого голода не ощущали бы. Даже некоторые конвоиры не выдерживали и предупреждали: «Ребята, не ешьте траву, желудки испортите. Когда приедете к помещику, картошки варёной поедите. Только много сразу не ешьте, может оказаться смертельно». Трое товарищей не вынесли – умерли, у них желудки испортились, а есть так хотелось! Чем больше ешь, тем больше хочется.

На разных работах использовали фашисты труд пленных: возили трупы умерших, чтобы закапывать в братской могиле, на сельскохозяйственных работах, и везде с конвоирами.

Прадед рассказывал про конвоиров, которые повсюду сопровождали пленных.

Окончание на с. 3

Окончание. Начало на с. 2

Конвоиры очень любили своих лошадей и относились к ним иначе, чем к пленным людям. Не дай бог, чтобы лошадь взыграла, прыгнула!..

Однажды у одного пленного лошадь взыграла, заржала, «потому что сытая, лоснится, не такая, как работники». Конвоир подошёл к пленному и ударил его по щеке. Прадед мой за товарища своего заступился, назвал конвоира свиньёй (das Schwein): «А ещё призываете нас, чтобы мы пошли воевать против наших! Разве можно бить человека? И за что? За лошадь!!! У вас лошадь дороже человека!» Конвоиру это, конечно, не понравилось. Он разозлился и, приставив винтовку со штыком к виску Петра, сказал ехидно: «Я тебя, милый человек, пик! И тебе капут!». Но не выстрелил, а опустил винтовку вниз и ушёл. Ребята на прадеда смотрят и говорят: «Петя, у тебя из валенка кровь». Пётр Петрович в таком состоянии находился, что не почувствовал боли, когда фашист проколол ему штыком ногу выше голени насквозь. На всю жизнь остались от штыка шрамы

на правой ноге. А на следующий день прадедушку с большой ногой заставили ещё и камни с поля тащить – точь-в-точь, как в одном из советских фильмов, который прадедушка смотреть не мог...

В марте 1945 года моего прадеда и других пленных, работавших у помещика, освободили советские войска. На тот момент у помещика работало уже около 200 пленных разных национальностей, в том числе американцев, которые жили за стенкой барака Петра Петровича...

После освобождения в комендатуре прадедушку с неделю проверяли, не дезертир ли. Ожидая итогов проверки, Пётр Петрович ходил навестить того самого доброго крестьянина, который их, пленных, несколько раз кормил, как своих сыновей. К сожалению, жена крестьянина погибла при бомбёжке, а что с сыновьями стало, неизвестно. Оказалось, русские солдаты сняли с крестьянина часы и сапоги, впрочем, его самого не тронув. Пётр раздобыл пару сапог и часы и принёс этому крестьянину...

В то время некоторых советских военнопленных после освобождения из фашистских лагерей

отправляли в советские лагеря, но прадедушке повезло: его отправили на фронт.

Пётр Петрович после плена помогал разминировать города и до самой Победы воевал. Закончил войну встречей союзников на реке Эльба, будучи уже командиром отделения. По окончании войны Пётр Петрович ещё более полутора лет служил в автоколонне в Германии. Домой вернулся только в декабре 1946 года.

После войны работал в колхозе «Труд» Промышленновского района Кемеровской области. В лагерях его здоровье было сильно подорвано, поэтому он очень рано ушёл из жизни: 1 августа 1965 года, в возрасте 43 лет.

Наша семья хранит память о нашем прадеде. Ко Дню Победы устраиваем фронтовой уголок. Я со своими сёстрами Машей и Аришей готовлю поделки для этого уголка: открытки, свечи... Как реликвия хранится у нас гармошка Петра Петровича...

Владимир ИВАНОВ,
школа № 34, 15 лет

Дети и война

Непокорённая

Я хорошо помню свою прабабушку Клару... Помню, как она рассказывала своей дочери – моей бабушке Кате – о пережитом в годы войны: «Это время невозможно забыть... Война в моих снах. До сих пор страшно и больно...». «Почему страшно и больно?» – возник у меня вопрос, и я решила побольше узнать о судьбе своей прабабушки.

Моя прабабушка Клара Ивановна Маликова (Дубенцова) родилась в 1927 году. До начала войны жила в Белоруссии, в деревне Загорцы Лепельского района Витебской области. После войны окончила педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде. В Кузбассе жила с 1955 года. Учитель по профессии – 45 лет преподавала химию в школе, ветеран труда, имеет звание «Отличник народного образования». О прабабушке я узнала со слов её дочери, моей бабушки, Екатерины Николаевны Киселёвой, которая тоже учитель, почётный работник образования, ветеран труда, работает в школе № 34 г. Кемерово.

В годы войны прабабушка Клара Дубенцова находилась в плену у врага, в трудовом лагере. У нас дома есть книга «Колыбельная песня Аннушки» о бывших малолетних пленных концентрационных и трудовых лагерей, которые жили и живут в Кузбассе. Книга эта вышла в 2001 году в издательстве «Кузнецкий край» под редакцией А. Ореховского. В этой книге бывшие малолетние узники лагерей делятся своими воспоминаниями. Есть информация (правда, очень краткая) и о моей прабабушке...

Когда началась война, Кларе было 14 лет. Население (тех, кто не ушёл на фронт, – женщин, стариков и детей) сгоняли в фашистские лагеря. Слабых уничтожали. Тех, кто посильней и поздоровей, отправляли в Германию на работу. Детей, которые отказывались ехать в Германию, сжигали в домах вместе с их семьями.

Мирное население как могло сопротивлялось оккупантам. В Белоруссии велась партизанская и подпольная работа. Вместе со своей мамой и её сёстрами Клара помогала раненым солдатам, партизанам, носила в лес продукты, медикаменты, записки, а оттуда – листовки. Прабабушка была связной в партизанском отряде. Когда в деревне появлялись фашисты-каратели, ставила на подоконник красную лампу. Уйдут немцы – убирала. Фашисты зверели от действий партизан. 1 сентября 1943 года немцы предприняли карательную операцию: сжигали деревни вместе с людьми. Партизанам пришлось уйти в глубь леса. Деревню Загорцы сожгли. Прабабушку 3 сентября 1943 года вместе с детьми-односельчанами угнали в немецкий трудовой лагерь – пересылочный пункт по отправке населения в Германию, находящийся в деревне Камень Лепельского района Витебской области. Прабабушка вспоминала: «Одиннадцать месяцев заключения! Без боли в сердце, без слёз невозможно это вспоминать... По ночам часто снились сны, что мне очень хочется кушать, что я смертельно голодна...»

Условия содержания людей в лагере были бесчеловечные. Страшная антисанитария. Не имелось даже воды, чтобы помыть руки. Никакой медицинской помощи. Жили в тёмных сараях, без света. Спали на полу. За непослушание избивали. Больных и стариков не кормили, каждый вечер их куда-то уводили, и они не возвращались... Строчили пулемёты, лаяли собаки... Там, в лагере, при очередном обыске «полицией» (лагерный надзиратель, из своих, перешедший на службу немцам) обнаружил у Клары справку командира воинской части отступавшей Красной Армии, в которой было сказано, что её семья добровольно сдала корову Красной Армии. Этот человек был хорошо знаком с семьёй Клары и не выдал немцам, тем их спас. Иначе бы расстреляли всех родных. А в момент подготовки побега из лагеря этот же человек предупредил детей: «Побег отменяется!». Фашисты знали о планировании побега и уже готовили массовый расстрел. Так он дважды спас многие человеческие жизни. Были в войну и такие случаи – когда «предатели» вредили врагу и помогали своим...

28 июня 1944 года Клара Дубенцова и другие дети были освобождены во время наступления Красной Армии. Моя прабабушка награждена памятной медалью «Непокорённые» за стойкость и верность Родине, медалями к юбилейным датам Победы.

Большая Отечественная война навсегда останется самым страшным событием XX века. Детям в войну пришлось особенно тяжело. Они переносили голод, болезни, тяжёлый труд наравне со взрослыми. Враг пытался отнять у них дом, хлеб, материнскую ласку, свободу, пытался отнять Родину и жизнь...

Как смогли дети пережить все ужасы войны?

Анастасия КИСЕЛЕВА, 8 лет, школа № 92,
ДО «Рудничок» Дома детского творчества
Рудничского района г. Кемерово

Дети войны. Снежана ОСОКИНА, 14 лет, школа № 85
Педагог Ирина Игошева

Легко на воле дышится...

Легко на воле дышится,
Не воздух – сладкий сок.
Вдруг «папа, папа!» – слышится
Родной мне голосок.

В цветах – панамка белая.
Дыханье затая,
Глядит вокруг, несмелая,
Светлана, дочь моя.

Наверно, очень жуткими
Ей кажутся кусты.
Синеют незабудками
Глазёнки: «Где же ты?»

– Ау! – кричу шутиливо я.
Увидела меня!
Бежит ко мне, счастливая,
Забавно семеня...

И в памяти жестокая
Картина ожила...
Такая ж синеокая
Та девочка была.

На поле распростёртая,
В таких же вот цветах,
Она лежала – мёртвая –
С игрушкой в руках.

А птица с чёрной свастикой
Над ней, звеня, вилась.
Светланой или Настенькой
Та девочка звалась?..

Мы помним все лишения...
И горе тем врагам,
Кто новые сражения
Готовит нынче нам!

Михаил НЕБОГАТОВ, кузбасский поэт и журналист,
фронтовик, член Союза писателей России

Военные судьбы

Легенда или...

В нашей семье существует легенда или поверье о том, как прапрадедушка **Игнатий Иванович Булах**, попавший под репрессии и расстрелянный по приговору в 1937 году, встретился со своим сыном Михаилом на одной из станций на дорогах войны. Про эту встречу мне рассказала прабабушка Валентина Игнатьевна Игнатьева (Булах), когда мы с мамой начали заниматься военной историей нашей семьи.

Историю эту (или легенду?) я решила изложить в своём коротеньком рассказе.

Игнатий Иванович Булах до войны был председателем колхоза. В 1937 году он попал под репрессии и, по официальной версии, приговорён к расстрелу. Семья ничего не знала о нём. Трое его сыновей – Степан, Михаил и Алексей – рано повзрослели и взяли на себя заботу о близких. Когда началась Великая Отечественная война, братья один за другим уходили на фронт. Михаил был призван практически сразу же после школы. Из семьи он ушёл на фронт вторым. Где-то воевал старший брат Степан.

Однажды воинская часть Михаила Игнатьевича передислоцировалась в район Курской дуги. Эшелон с гражданскими лицами шёл на Восток. Поезд, в котором ехал Михаил, нёсся на всех парах на запад. Михаил и его сослуживцы не знали, куда и для какой цели их везут. Только опытного солдата не обманешь. Он уже успел повоевать и был не желторотым новобранцем, а опытным, повидавшим смерть и кровь, обстрелянным солдатом. Станции и полустанки были забиты эшелонами с военной техникой, оборудованием и ещё незнамо чем – через окно теплушки было не очень-то разобрать, что находится под маскировочным брезентом.

Вагонные колёса выстукивали: «Живи, живи...». О смерти не хотелось думать в неполные 19 лет.

Михаил в который раз перечитывал письмо, полученное от родных из родной деревни Кривояш... А ещё в память врезался разговор с военкомом, когда его призывали. Разговор состоялся в селе Болотное.

Военком без обиняков спросил его:

– Что, Михаил, с обидой за отца идёшь воевать? Я ведь Игната знал с Первой мировой войны. Вместе в плену были. Когда возвращались из Германии, то сфотографировались на память. Помню, он стоял справа от какой-то тумбы, а я слева. Денег было в обрез, чтобы фотографироваться отдельно. Фотограф-немец знал толк в ремесле, сосчитал до трёх, и вот мы стоим без знаков различия, но молодые, живые, радостные оттого, что скоро увидим своих родных. Потом пути-дороги разошлись. Я пошёл по военной линии, а он стал поднимать хозяйство, стал председателем колхоза... В коллективизацию старался сохранить пахаря. Их называли «кулаками». У этих «кулаков» ладони не заживали от ручек плуга, это в лучшем случае, а то и просто – деревянной сохи... Да, жаль Игната, хороший был солдат и человек... Но ты, главное, не держи зла, не держи... Не обращай внимания на колкости о том, что ты сын врага народа.

Такими словами напутствовал военком Михаила.

...Эшелон в очередной раз стал медленно тормозить. Выходить из душного вагона не хотелось, и Михаил незаметно задремал. Вдруг он почувство-

вал, как кто-то теревит его за плечо и кричит: «Вставай, там дядька Игнат у вагона!».

Кричал Васька Иванов – земляк, из одной деревни.

Мысли вихрем пронеслись в голове.

– Откуда он там, с того света, что ли? – кое-как выдавил из себя Михаил.

Но Васька не сдавался:

– Что, я дядьку Игната не знаю? Я его, как тебя, сейчас видел! Пошли, а то дадут отправку эшелону – и всё! – настаивал Васька.

Действительно, это был отец. Старый, большой, в латаной-перелатаной одежке, лицо его перекосила гримаса не то радости, не то боли.

– Вот, сынок, еду домой. Рыл для тебя окопы, да что-то болезнь подкосила... Ты знай: ПРОСТИЛИ МЕНЯ вчистую. Ты запомни, Я НИ В ЧЁМ НЕ ВИНОВАТ. НЕ ДЕРЖИ НИ НА КОГО ЗЛА! Время такое, ты только НЕ ПОДВЕДИ ТАМ, НА ФРОНТЕ, – только и успел проговорить отец.

Прозвучал длинный гудок, и всё моментально пришло в движение, мгновение – и колёса стали отбивать радостный такт: «Отец жив, отец жив!..».

...Так и не свиделся Игнатий Иванович Булах со своими родными. А его сын Михаил, бывший на фронте минёром, погиб в 1943 году и был похоронен в Харьковской области, на Украине, в братской могиле...

Происшествие это рассказал после войны семье Булах Василий Иванов, который стал свидетелем разговора отца с сыном. Рассказ подтвердила Александра Ивановна Коробкова (Булах), двоюродная сестра прабабушки, которая живёт в Новосибирске. А я узнала об этой встрече уже из рассказа моей прабабушки.

Аня КОНОВАЛОВА, 12 лет, школа № 85,
ДО «Рудничок» Дома детского творчества
Рудничного района г. Кемерово

На военном полустанке. Снежана ОСОКИНА, 14 лет, школа № 85
Педагог Ирина Игошева

Идут эшелоны. Кирилл ГОЛУБЕВ, 10 лет
Педагог Ирина Игошева

Сестричка. Людмила КРЫЛОВА, 14 лет, школа № 85
Педагог Ирина Игошева

Литературно-художественное издание

Учредитель: МБОУ ДО «Дом детского творчества
Рудничного района г. Кемерово»
Сайт: deti-literatura.ucoz.site

Редактор Марина ЦЫПКАЙКИНА
Координатор проекта Николай ИГНАТЬЕВ,
ветеран органов МВД

0+

Газета отпечатана в типографии АИ «Кузбассвузиздат».
650993, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.
Тел. 8 (3842) 36-36-00. E-mail: 58293469@mail.ru.
Тираж 300 экз. Заказ № 208

По живым воспоминаниям свидетелей истории

Одному из начинающих корреспондентов «Литературного сундучка» представился уникальный случай лично познакомиться, встретиться и побеседовать с ветераном Великой Отечественной войны Анной Васильевной Котенко.

В свои почти 97 лет Анна Васильевна живёт активной жизнью: встречается и с удовольствием общается со школьниками на уроках мужества, ведёт записи своих фронтовых воспоминаний (очень аккуратно, образцовым почерком!), много читает, хлопочет по хозяйству в своей двухкомнатной квартирке, где живёт одна, ухаживает за сиренью под окнами и печёт вкусные угощения для своих гостей...

Анна Васильевна призывалась на фронт из Кемерово в 1942 году, когда ей было всего 18 лет. Воевала на 1-м Украинском фронте, освобождала Европу. И что самое удивительное, на фронте была пулемётчицей, вела огонь по вражеским самолётам. На её счету два сбитых фашистских самолёта! А до войны мечтала стать учительницей, успела окончить Кемеровское педагогическое училище...

С Анной Васильевной коллектив «Рудничка» познакомили шефы издания – Совет ветеранов ОВД Кемеровской области (после войны Анна Васильевна работала в правоохранительных органах Кузбасса).

«Я хотела стать педагогом...»

Женщина на войне... Об этом я хочу рассказать в своём первом материале для «Литературного сундучка». Сложная тема. Война и женщина, как война и дети, – понятия несовместимые. С другой стороны, когда речь идёт о национальной трагедии, когда не приходится выбирать (ты умрёшь или победишь), поднимаются все: и женщины, и дети, и даже старики. Сколько примеров в истории Великой Отечественной войны, когда даже малолетние дети совершали боевые подвиги и становились героями. Как и наши советские женщины. Я считаю, что без женщин наша страна однозначно не смогла бы выиграть Великую Отечественную войну. Наши женщины трудились в тылу: работали на заводах, отливая пули, собирая винтовки и автоматы, разрабатывая новое вооружение, конструировали самолёты и танки. Когда всех мужчин призвали на фронт, женщины заменили их на заводах и в колхозах. Одежду, выращенный хлеб, мясо и другие продукты своего труда они отправляли на фронт – снабжали Красную Армию всем необходимым, чтобы она победила. А после рабочего дня, поздними вечерами вместе со своими детьми они собирали посылки солдатам, писали им письма, поддерживая их моральный дух... А ещё были женщины, которые участвовали в самих боях, находились на фронте, на передовой. Это женщины – медицинские сёстры – под свист пуль они подбирали раненых, а потом вместе с врачами спасали их жизни в полевых госпиталях. Это женщины – связисты – они обеспечивали связь между командованием и сражающейся армией, полками. Были женщины-партизаны и разведчицы, попадая к врагу они были такими же стойкими, как и мужчины, даже под пытками не выдавали никаких сведений и героически погибали... Ещё были женщины, которые шагали в пехоте наравне с мужчинами, стреляли из тяжёлых пулемётов по вражеским самолётам.

С одной из таких женщин мне удалось познакомиться лично и побеседовать с ней. Это ветеран Великой Отечественной войны Анна Васильевна Котенко (в девичестве Смирнова).

– Анна Васильевна, когда Вы попали на фронт, как это случилось?

– Моя война – это как альбом с живыми фотографиями, которые память чётко отпечатала и навечно сохранила...

Знаете, я ведь хотела стать педагогом... К началу войны я окончила второй курс Кемеровского педагогического училища. В это время мне было 17 лет. В начале третьего курса мы вместе с подругой, моей сокурсницей, решили пойти на фронт. Весь учебный год ходили с заявлениями в военкомат и просили отправить нас на фронт. Но нам постоянно отказывали, так как не было закона об обязательном призыве женщин на военную службу. Рядом с педучилищем и нашим общежитием находился эвакуационный № 1230. Мы часто туда ходили, рассказывали раненым о последних событиях, а иногда давали концерты. Молодые ребята, раненые бойцы, не раз говорили нам: «Не рвитесь вы на

Анна Васильевна КОТЕНКО. 22 января 1945 год
Польша, г. Тарнобжеж, Сандомирский плацдарм

Имеет награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени; медали: «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Солдат Победы», Медаль Жукова, «70 лет победы в Орловско-Курской битве», «Ветеран труда» (1998 г.), «За служение Кузбассу» (2004 г.), «За честь и мужество» (2007 г.), «За веру и добро» (2019 г.); знаки «Отличный пулемётчик», «Фронтовик 1941–1945» и другие

фронт, не девчоночье это дело!» К весне 1942 года на фронтах Великой Отечественной сложилось тяжёлое положение. Фронт всё требовал и требовал пополнения. А мужчин нужных возрастов почти не осталось. Тогда в апреле 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О добровольном вступлении женщин в ряды Красной Армии». И вот в мае мы получили повестки. Помню свой тяжёлый разговор с отцом, бывшим солдатом Гражданской войны. Словами «папа, пойми меня правильно, я уйду защищать Родину» мне удалось преодолеть уговоры отца, который не понаслышке знал, что такое война.

– Запомнилось, как Вы покидали свой родной город?

– Конечно, этот день, как и день Победы, я никогда не забуду! 27 мая нас провожали... День был тёплый, солнечный. Проходя мимо эвакогоспиталя, где лечились раненые, мы увидели белую колонну, ярко отложившуюся в моей памяти, – это были наши проводы. Все, кто мог, вышли на улицу и выстроились вдоль забора госпиталя, прощально махали нам. Раненые что-то кричали и махали кто рукой, а кто костылём или повязкой, гипсом, кто и плакал...

– Сразу после призыва куда Вас определили?
– Поздним вечером 27 мая 1942 года эшелон с 270 девушками-добровольцами отправлялся на запад, в самое пекло войны. В ушах долго стоял плач провожающих... А мы ехали с песнями и надеждой на скорую победу! Не знали мы тогда, что придётся задержаться на войне на целых три года...

В первых числах июня мы прибыли на станцию Купянск, восточнее Харькова. Скрестившиеся в ночном небе лучи прожекторов, налёт вражеской авиации недалеко от места нашего расположения не вызвал у нас никаких эмоций, кроме любопытства... Война ещё не проникла в наше сознание.

На следующий день небольшую группу девчат отправили под Сталинград. Остальных (в том числе и меня) зачислили в седьмой зенитно-пулемётный полк (ЗПП) противовоздушной обороны и распределили по батальонам. Я попала в третий батальон. Проходила учебную подготовку на станции Валуйки, недалеко от Купянска. Изучали всё, что было на вооружении в полку: пулемёт «Максим», винтовку, гранату, а также телефонную связь... Самое же главное, учились различать в небе силуэты летящих самолётов, своих и противника, узнавать их по звуку. Ведь у каждого типа самолётов – свой голос.

– Анна Васильевна, на фронте Вы были пулемётчицей. Женщина-пулемётчица – трудно представить такое... Пулемёт – что это было за оружие, и как Вы с ним управлялись?

– Первые месяцы службы я была связистом в штабе батальона. Но скоро начала просить командира о переводе меня в пулемётчики. Не сразу, а только осенью 1942 года меня перевели в пулемётное отделение. На вооружении в полку в то время были пулемёты «Максим».

У этого пулемёта было четыре ствола. Каждый ствол помещался в кожух. При стрельбе ствол сильно нагревался, поэтому для охлаждения ствола кожух наполнялся водой.

Расчёт счетверённой зенитно-пулемётной установки «Максим» образца 1931 года отражает налёт авиации противника. Осень 1941 года

В 1943 году пулемёты «Максим» были сняты с вооружения и мы получили пулемёты ДШК (что значит «Дегтярёв, Шпагин, крупнокалиберный»).

Окончание на с. 6

Окончание. Начало на с. 5

Этот пулемёт был уже одноствольный, с калибром 12,7 см. Пулемёт крепился на треногу и весил около 30 килограммов. Если пулемёт «Максим», как видно на фотографии, обслуживали пять человек, то расчёт для ДШК состоял уже из трёх девушек. Весь рядовой и сержантский состав в полку состоял полностью из девчат.

Крупнокалиберный пулемёт ДШК
У оружия Катя Васюкова и Дуся Сахарова

Весной 1943 года наш седьмой ЗПП был передан на пополнение в четвёртый ЗПП, в котором служили девчата из Воронежской и соседней с ней областей. Седьмой и четвёртый зенитно-пулемётные полки должны были обеспечивать бесперебойную связь фронта с тылом страны, что было необходимо для успешного ведения войны. Мы обороняли железнодорожные станции, мосты через реки и вели усиленное наблюдение за наземными целями.

По мере продвижения фронта нам приходилось часто менять дислокацию. Когда мы приезжали на новое место, необходимо было в первую очередь обеспечить оборону объекта. Для этого следовало установить пулемёт и привести его в боевую готовность. Первым делом мы начинали копать окоп для пулемёта. Вырывали лунку глубиной 130 сантиметров и диаметром около 250 сантиметров. По окружности лунки образовывалась насыпь из вырытой земли, поэтому глубина окопа увеличивалась и составляла примерно 1,5 метра. Треногу пулемёта ставили в центре окопа и крепили её на земле. Затем закрепляли пулемёт на треногу. И вот пулемётная установка готова. Одна девушка вставала на пост у пулемёта и вела наблюдение. Пулемёт при стрельбе вращался на 360 градусов в обе стороны. Его ствол можно было поднять и опустить, он был очень удобен в управлении. Пока одна из девушек была на посту и вела наблюдение, две другие рыли землянку. Рыли до такой глубины, пока не доберутся до глины. Глина лежала в земле плотным слоем, поэтому она служила нам «кроватью». В землянке были две таких «кровать», а между ними — очень узкий проход. Печки не было, и окошечко было всего одно, маленькое, окошечко-щёлочка... Постелью служили шинели. Спать мы ложились (да какое там спать, просто отдохнуть!) не раздеваясь, в одежде и обуви. При налёте вражеской авиации, когда подавался сигнал боевой тревоги, некогда было одеваться и обуваться, а быстро вскакивали и бежали в окоп к пулемёту. Вот в таких условиях девушки из Кузбасса воевали на фронте в течение трёх лет...

— Анна Васильевна, я знаю, что среди Ваших многочисленных наград есть награды за сбитые самолёты. Расскажите об этом подробнее.

— На моём счету два сбитых самолёта. Первый случай произошёл при сопровождении воинских эшелонов в декабре 1943 года в районе станции Бородянка Киевской области, при налёте из 18 самолётов противника. Групповым огнём мы сбили там «Хейнкель-111» (бомбардировщик), я руководила огнём своего отделения. За этот сбитый самолёт меня наградили медалью «За боевые заслуги».

О втором случае расскажу подробнее. Это случилось 21 марта 1945 года, когда наступление наших частей уже шло на всех фронтах. В конце лета 1944 года наш полк перевели в Польшу на Сандомирский плацдарм. В марте 1945 года в городе Глогау мы принимали участие в уничтожении группировки противника. Я была командиром зенитно-пулемётного отделения. Главной нашей задачей было не допустить прорыва немцев из окружения. Остановились примерно в полукилометре от города. Окопы и землянки больше не рыли. Пулемёт установили прямо на землю с сектором обстрела 360 градусов для возможности ведения огня по наземным и воздушным целям. Жильём у нас был какой-нибудь угол разрушенного дома — лишь бы крыша была на случай дождя. Меткий огонь наших зенитных установок вынудил вражескую авиацию совершать полёты только ночью. К цели они подходили с разных направлений и на разных высотах.

В одну из ночей я стояла на посту. Пулемёт находился в боевой готовности. Погода стояла тёплая, а ночь лунная и очень светлая. Как в замедленной кинопленке, в небе, разжиженном светом луны, приближался «Мессершмит-109». Он шёл на высоте около 700 метров. Сбросил скорость и стал чуть-чуть менять курс на город. Лучшей цели и быть не могло! Я открыла огонь... и увидела, как горящий, сбитый мною самолёт пошёл в падение. За этот, второй самолёт меня наградили орденом Красной Звезды.

Май 1944 года. С фронтовыми подругами
А. В. Котенко в нижнем ряду крайняя слева

— Как проходил Ваш фронтовой путь, по каким городам и странам? Где Вы встретили Победу?

— Я воевала на Воронежском фронте, в составе 1-го Украинского. Мой фронтовой путь проходил по территории Украины, Белоруссии и Польши...

Долгожданный День Победы мы встретили при обороне моста через Одер. Никакого населённого пункта поблизости не было видно. Вокруг нас раскинулась красивая липовая роща. Она-то и не позволила нам в эту победную ночь наблюдать красоту

огня, который вели в частях из всех видов оружия. О Победе нам сообщили по телефону ранним утром 9 мая. Радости не было предела!

— Как сложилась Ваша жизнь после войны? Как Вы попали в органы МВД? Почему всё-таки не стали педагогом?

— Как-то после войны я уже не рассматривала себя педагогом. За годы войны я привыкла к воинской дисциплине. Мне она очень нравилась. Я вообще люблю строгость и порядок, поэтому и работать пошла в органы МВД. Здесь и судьбу свою нашла. В 1948 году вышла замуж, у меня родилась дочь, а потом сын, сейчас у меня двое внуков и правнук.

Сначала я работала старшим инспектором финансово-планового отдела Управления внутренних дел Кемеровского облсполкома, позже перешла в комитет государственной безопасности Кемеровской области старшим ревизором финансового отдела... Тридцать пять лет я проработала в правоохранительных органах МВД и КГБ. Всего же мой трудовой стаж — 47 лет. Окончательно оставила работу в 75 лет. Сейчас я принимаю участие во встречах с детьми в школах и других учебных заведениях. Можно сказать, работаю педагогом, как когда-то и хотела, но только обучаю детей я не по школьной программе, а рассказываю им о войне так, как я её видела своими глазами и запомнила на всю свою жизнь, рассказываю о том, какая это страшная вещь — война.

— После войны Вы встречались со своими однополчанами?

— На войне мы все настолько устали, что хотелось всё забыть. Даже адресами с однополчанами не обменялись. Но забыть такое невозможно. С годами появилась потребность встретиться, вспомнить всё. Мы просто затосковали. И начались поиски фронтовых подруг... Первую встречу ветеранов ЗПП организовали в Кемерове в 1956 году. В гости к нам приехали однополчане, в том числе и мужчины, со всего Союза: от Ленинграда до Владивостока, с Кавказа, Украины и Молдавии. Из Томска прибыл командир полка.

Седьмой зенитно-пулемётный полк закончил войну в Киеве. Некоторые офицеры полка при увольнении со службы там и остались жить. Ими и был создан совет ветеранов полка. В дальнейшем встречи проводили в Киеве или Кемерове. Мне удалось съездить на встречу однополчан один раз в Киев и два раза в Воронеж. Встречи были очень трогательными. Всегда проходили они с болью в сердце.

И сейчас без волнения не могу говорить о своих боевых товарищах. На память приходят строки из песни, которую мы пели на наших встречах, их автора, к сожалению, я не знаю.

Годов немало пролетело,
Но помню я и помнишь ты,
Как мы ловили сквозь прицелы
На крыльях чёрные кресты.

Звонкоголосые девчонки
Шагнули в бой назло смертям...
В Сибирь летели похоронки
Осиротевшим матерям.

Всё меньше нас, однополчане,
Всё больше помнится война,
Всё чаще слышатся ночами
Друзей ушедших имена...

Подготовил Миша ТЫВАНЮК,
13 лет, школа № 24,
ДО «Рудничок» Дома детского творчества
Рудничного района г. Кемерово